

\*\*\*

Жизнь моя, моя жестянка,  
По асфальту дребезжа, —  
Отчего к тебе жестока  
Смерть моя, моя душа?..

*День единый, путь поденный  
Пройден — найден — прикровен —  
Как младенец, нерожденный,  
Кровь стучится вон из вен —*

Смерть моя, моя шестерка,  
Дама пик для куража!..  
Жизнь моя почти что стерта,  
По асфальту дребезжа.

*Плач ли, ветхого покрова  
Не щадящий?.. или речь?..  
Увещанье?.. — два-три слова —  
Смочь — растратиться — сберечь?..*

Жизнь моя, сенная девка:  
Слух остер, язык болтлив, —  
Смерть моя, моя сиделка,  
От асфальта отскоблив.

Жизнь моя, моя копилка,  
Куча дряни за спиной,  
Смерть моя, моя коптилка  
В ржавой банке жестяной,  
Клетка, плётка, паутина,  
Брось меня, побудь со мной.

\*\*\*

Человек распрямляется после страха  
Осторожно, подробно, за позвонком позвонок;  
Он еще отлучен от времени и пространства,  
Но уже владелец своих коленей и пальцев ног;

Только что все это срывалось, билось о скалы,  
Разрывалось, раскалывалось, кусками летело вниз,  
Расползалось кляксой внизу... потом отпускало,  
Вновь слипалось в тело, впечатывалось в карниз —

Человек не спеша проверяет свою начинку  
(Череп тесноват, грудная клетка узка):  
На своих местах чувствует сердце, матку, печеньку;  
Между ними много воздуха и песка;

Человек прихорашивается после страха,  
Утирает лицо, раздергивает волоса.  
Перед ним непонятно откуда берется трасса:  
До заката час, до города два часа;

Человек идет по вечерней набережной,  
Все смелей шевели зрачками (...*восстав, восстав...*);  
Непрозрачное привиденье, неверно набранный  
Номер, — идет, добавляя в свой состав

Можжевеловую расческу, две пачки «Ротманс»,  
Загогулину из ракушек, яблочный сок —  
И вот-вот уже мирно сольется с толпой курортниц  
(*Воздух, камни, глина, воздух, песок*).

## Пунктиром

### 1.

Смилуйся, птичка золотая,  
не свисти ты мне больше про удачу,  
лучше на себя посмотри, лахудра,  
на авоськи, на борщ, на детей чумазных.

Я сама плескалась подсадной уткой,  
я сама кружилась цыпленком в гриле,  
я сама была голубя бумажней —  
больше меня летать не заманишь.

2.

...А не то еще подступят с вопросом:  
мол, крепка ли духом, тверда ли в вере? —  
отвечаешь сообразно погоде,  
все одно побьют на контент-анализ.

Вот сиди латай теперь драную карму,  
попивай кровь христианских младенцев;  
было у меня дважды два четыре,  
только вышло боком, желчью и смертью.

3.

Этой ночью сдохла канарейка.  
В канарейке сдохла батарейка.

\*\*\*

Пока так блестит вокруг, так вьется пылью,  
Под кофе по-венски, под раз-два-три венский вальс,  
Вдоль шумных себе проспектов, с барской ленцой,  
В цветах и цитатах, — пока на этот аванс

Гуляешь, душа — спеши зубрить алфавит:  
Следи, как растет трава и чем зелена  
(А после буреет, чуть клен ее окровит,  
И мнит уйти в никуда — уйдет в семена);

Подслушивай, как вода уходит в песок —  
В ничто, в загробную тьму, к подземным ключам;  
Учись языкам, пока свой не пересох,  
Не все голоса свой перекричал;

Так тающий снег по весне заполняет след;  
Так молния, пронизая громоотвод,  
На долю секунды сталь обращает в свет —  
Так в нем сгущается трепет жизни.

...Так вот,

Когда закончится мир — останется труд:  
Галерный, оголодавший долгим постом, —  
Из голой земли высвистывать голый прут;  
Потом выпрастывать лист из почки; потом —

**Москва, февраль, картина Тернера,  
экономический кризис.  
Холст, масло.**

Львы, куропатки, изысканные жирафы, единороги,  
полевые, волнообразные, петромоны —  
только сейчас выясняется, что не всем дали название;  
возможно, сколько-то засланных; и безвидные.

Последними, как обычно, уходят крысы,  
обтекая нас, победителей,  
рожденных от чресел самых быстрых сперматозоидов  
(сперматозоиды тоже ушли, попарно, еще до крыс).

...В серой мгле  
тем настойчивей реет мачта, с которой угадываешься, наблюдатель;

одеяло убежало,  
улетела простыня,  
следом тянутся посудомоечная машина, стадо мелких гаджетов, прикольная  
сумочка из опоздавшего крокодила;  
эволюция, цивилизация, рефинансирование —  
теперь это их головная боль.

Город залит асфальтом,  
а сверху водой и снегом.

\*\*\*

Был мне знак, что все складывается в один пазл, в один узор:  
Мячик выкатился из-под шкафа, из-под Набокова, — скачет в груди;  
Все цитаты, все встречи, весь мелкий сюжетный сор,  
Всё говорит — пора, всё говорит — иди,

Не сомневайся, какой еще тебе абсолют,  
Дверь заело, так встань на цыпочки, приналяг;  
Не дрожи над своей горбушкой — все равно чужие склюют,  
Скушай сам, мальчик-с пальчик, — будешь мальчик-с кулак;

...Только и требовалось, что стоять за свою правоту:  
Вроде бы стоишь, а при этом теплей, теплей, горячо:  
Все звонки, все цитаты, — и прибавляются на ходу, —  
Или ангел-хранитель оттягивает плечо?..

Крошки падают, складываются в один узор, в один пазл,  
Гуси-лебеди его склюнули — так орнаментом и летят,  
Небеса под них прогибаются, еще один год упал,  
В каждом птичнике серым-серо лебедят —

Ноша моя неношенная, валяющаяся из рук,  
Из карманов, опять из Набокова, — франк, грецкий орех,  
Папироса, — падают, крошки, вешки, складываются в круг;  
Ничего, мальчик-с пальчик, — будешь девочка имярек...

Пыльный прямоугольник солнца валяется на полу.  
Книги толпятся на полках, свешиваются за край.  
Голуби сели на подоконник. Мяч ёкнул в углу.  
Плакать глупо, жить уже поздно, играй, играй.

\*\*\*

Из тьмы египетской исшед,  
Равно презрев и Палестину,  
Мы пересилили сюжет  
И удалились в перспективу

Блестящую; в ее песках,  
Неисчислимы и богаты,  
Таятся храмы и гиганты  
Промышленные; батискаф,

Дотоле мнившийся ковчегом,  
Навстречу будущих колен  
Все погружается, нетлен,  
Не тронут светом предвечерним.

Абзац истории. Ни войн,  
Ни бунтов, ни кровосмешений —  
Тем слаще вдох; вечерний звон  
Тем совершенней.